

КОНЦЕПТЫ «ПРОСТРАНСТВО» И «ВРЕМЯ» В ФИЛОСОФИИ Н. БЕРДЯЕВА

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

THE CONCEPTS OF "SPACE" AND "TIME" IN THE PHILOSOPHY OF N. BERDYAEV

V. Skopa

Summary: The philosophical legacy of Nikolai Berdyaev stands out against the background of both Russian and world intellectual traditions. Ideas about such concepts as «space» and «time» occupy a key position in his view of human existence, freedom and the spiritual world. Space as a category of philosophical knowledge is manifested in all his works. Berdyaev N. considered space not only as a physical phenomenon, but also as a deep philosophical concept associated with human freedom and self-awareness. The concept of time in Berdyaev's work also bears unique features. For Berdyaev, time is not just an object of study, but a deep problem that permeates his thoughts and experiences, becoming the main question of philosophy, especially within the framework of existentialism. He believes that the understanding of time acquires true meaning only in the context of its connection with eternity. Space and time in his concept are integral aspects of human existence, which mutually influence each other, creating a unique picture of human life filled with freedom and creativity.

Keywords: N. Berdyaev, space, time, philosophy, concept.

Аннотация: Философское наследие Николая Бердяева выделяется на фоне как русской, так и мировой интеллектуальной традиции. Идеи о таких концептах, как «пространство» и «время», занимают ключевое положение в его взгляде на человеческое бытие, свободу и духовный мир. Пространство как категория философского познания проявляется во всех его работах. Бердяев Н. рассматривал пространство не только как физическое явление, но и как глубокий философский концепт, связанный с человеческой свободой и самосознанием. Концепция времени в творчестве Бердяева также несет в себе уникальные черты. Для Бердяева время – это не просто объект изучения, а глубокая проблема, которая пронизывает его мысли и переживания, становясь основным вопросом философии, особенно в рамках экзистенциализма. Он считает, что осмысление времени приобретает подлинный смысл лишь в контексте его связи с вечностью. Пространство и время в его концепции – неотъемлемые аспекты человеческой экзистенции, которые взаимно влияют друг на друга, создавая уникальную картину человеческой жизни, наполненной свободой и творчеством.

Ключевые слова: Н. Бердяев, пространство, время, философия, концепт.

Среди фундаментальных понятий, используемых в философии, есть категории, осмысление которых продолжается с незапамятных времен и по сей день в самых различных философских направлениях и школах. К числу подобных категорий можно отнести «пространство» и «время». Проблема данных дефиниций занимает умы многих деятелей искусства, науки, философии. Тема «пространства» и «времени» широко представлена как в философской, так и в исторической литературе.

Философия Николая Бердяева занимает уникальное место в русской и мировой мысли. Его взгляды на философские концепты «пространство» и «время» играют ключевую роль в понимании человеческого существования, свободы и духовности.

Пространство как категория философского познания всегда занимала Бердяева. Эта тема, в той или иной степени, проявляется во всех его работах. Николай Бердяев рассматривал пространство не только как физическое явление, но и как глубокий философский концепт, связанный с человеческой свободой и самосознанием. Он утверждал, что пространственное измерение ограничивает человека, ставя его в рамках объективной реальности. Однако это ограничение не является абсолютным [3].

В 1918 году выходит его труд под названием «Судьба России», где отдельная глава называется «О власти пространств над русской душой». В этой работе философ отмечает: «Не раз уже указывали на то, что в судьбе России огромное значение имели факторы географические, ее положение на земле, ее необъятные пространства. Географическое положение России было таково, что русский народ принужден был к образованию огромного государства. На русских равнинах должен был образоваться великий Восток-Запад, объединенное и организованное государственное целое... Размеры русского государства ставили русскому народу почти непосильные задачи, держали русский народ в непомерном напряжении. И в огромном деле создания и охранения своего государства русский народ истощал свои силы... И это наложило безрадостную печать на жизнь русского человека. Русские почти не умеют радоваться. Нет у русских людей творческой игры сил. Русская душа подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами, она утопает и растворяется в этой необъятности. Оформление своей души и оформление своего творчества затруднено было для русского человека. Гений формы – не русский гений, он с трудом совмещается с властью пространств над душой. И русские совсем почти не знают радости формы» [4, С. 115]. Отсюда отчет-

ливо видно, что пространство понимается Бердяевым как «географическое априори», которое дано русскому народу и оно же и обуславливает характер русской культуры в самом широком смысле этого слова. Русский народ или русский человек «подавлены» пространством, и, как следствие этого, можно предположить, что не являются субъектами истории. Бердяев использует такие формулировки, как: русский народ был «принужден», «великий Восток-Запад должен был образоваться». Интересно отметить, что другие философы иначе воспринимали взаимосвязь географического пространства и человеческого общества [8]. Так, Гуссерль выделяет несколько наслаивающихся друг на друга пространств, миров. «Есть «первоначальная окружающая среда», ближайшая к нам природа и «мир твоего дома», твоей семьи, расширяющийся в пространство «родины» [6, С. 88]. Этот мир, с одной стороны, имеет глубоко личностную окраску, а с другой стороны, предстает как «среда вещей» [1]. Причем, по Гуссерлю, географическое пространство – это априорная данность и не более того [7]. По мысли Бердяева географическое пространство тоже выступает в априорной роли, однако, бердяевское географическое пространство, выглядит как доминирующая – практически живая сущность [2]. Влияние этого пространства на каждого индивида настолько велико, что определяет буквально все то, сколько индивид смеется и то, как индивид относится к государству. Развивая эту мысль, Бердяев прибегает к сравнению русского народа с немецким народом. Философ пишет, что немецкий народ, напротив, зажат своими пространствами, поэтому вынужден быть активным, скрупулезным, организованным. «Возьмем немца. Он чувствует себя со всех сторон сдавленным, как в мышеловке. Шири нет ни вокруг него, ни в нем самом. Он ищет спасения в своей собственной организованной энергии, в напряженной активности. Все должно быть у немца на месте, все распределено. Без самодисциплины и ответственности немец не может существовать. Всюду он видит границы и всюду ставит границы... Германец чувствует, что его не спасет Германия, он сам должен спасти Германию. Русский же думает, что не он спасет Россию, а Россия его спасет» [4, 43]. По мысли Бердяева, географическое пространство довлеет над любым народом и определяет его. Однако, в этой зависимости народа от пространства отдельную роль играет государство и государственная власть. Бердяев пишет, что именно из-за необъятности русской географии, жизнь русского общества всегда была подчинена централизованной русской власти. Русский человек не осознает личных свобод, так как они специально подавлялись на протяжении всей истории, ибо исключительно в централизации жизни виделся «рецепт» выживания на русских пространствах [2]. Эта насильственная централизация народной жизни была обусловлена еще и постоянной опасностью военного вторжения. Русский человек, как считает Бердяев, находит спасение в смирении и отказе от «исторического и культурного творчества», где отказ и требовался от

этого человека государством. Однако, вступив в союз с государством, народ может подчинить себе даже географическое пространство, которое определяется Бердяевым как абсолютное априори. «Государство должно стать внутренней силой русского народа, его собственной положительной мощью, его орудием, а не внешним над ним началом, не господином его. Культура же должна стать более интенсивной, активно овладевающей недрами и пространствами, и разрабатывающей их русской энергией» [4, С. 45]. Исходя из выше отмеченного можно сделать вывод, что категория географического пространства для Бердяева является фактором внешнего и тотального влияния на социум и индивид. Однако, в работах Бердяева есть и другое понимание пространства – не измеряемое государственными границами. В его работах появляются понятия «Восток» и «Запад» [9].

Указывая на вековой спор славянофилов и западников, Бердяев занимает метапозицию, говоря о том, что все не так однозначно. Славянофилы, по мысли Бердяева, несмотря на свой «Русский» пафос, оказываются людьми западными по своей натуре. Западники именно своим слепым преклонением перед западом являют миру свою «азиатскую» суть [10]. «Можно даже высказать такой парадокс: славянофилы, взгляды которых, кстати сказать, я в большей части не разделяю, были первыми русскими европейцами, так как они пытались мыслить по-европейски самостоятельно, а не подражать западной мысли, как подражают дети... А вот и обратная сторона парадокса: западники оставались азиатами, их сознание было детское, они относились к европейской культуре так, как могли относиться только люди, совершенно чуждые ей, для которых европейская культура есть мечта о далеком, а не внутренняя их сущность» [4, С. 45-46]. Интересно отметить, что Бердяев к оппозиции Восток-Запад добавляет еще и третье понятие: «Азия». Азия, по Бердяеву, это не восток, хотя она находится на востоке. Азия и азиатский человек, по мысли философа – это, по своей сути, ребенок и детское состояние. Выражается оно в том, что азиат старается пародировать европейца, но пародия всегда получается неудачной. Как между Европой и Азией существует дистанция, так и между ребенком и взрослым существует дистанция, и дистанция эта непреодолима [5, 8].

Для Бердяева дистанция между Западом и Востоком куда меньше, чем между Азией и Западом. Объясняется это тем, что пространство Запада, пространство Востока и пространство Азии – это внутренние пространства человека. Характерная особенность пространства Запада выражается во внутренней свободе. Свобода эта выражается, в частности, в свободе действий. Западный человек ощущает себя творцом культуры, а не преклоняется перед ней как азиатский человек. Западный человек всегда устремлен в будущее. Даже если он рассуждает об историческом прошлом, то он рассуждает о том, как перенести это «прошлое» и показать его будущим поколениям [2].

Однако, пространство Запада, по Бердяеву, невозможно объяснить без пространства Востока, которое не является тождественным азиатскому пространству: «Так было у всех народов Европы. И еще не следует смешивать темного, дикого, хаотического азиатского Востока с древней культурой азиатского Востока, представляющего самобытный духовный тип, привлекающий внимание самых культурных европейцев. На Востоке - колыбель всех великих религий и культур. И на вершинах европейской культуры подлинно культурный европейский человек не может чувствовать презрения к своим древним истокам. Это презрение свойственно лишь варвару, человеку не культурному. Старинная культурная европейская душа не может идолопоклонствовать перед европейской культурой и не может презирать культуру Востока. Только темная ещё азиатская душа, не ощутившая в своей крови и в своем духе привок старой европейской культуры, может обоготворять дух европейской культуры как совершенный, единый и единственный. И она же не чувствует древних культур Востока» [4, С. 43-44]. Характерно, что сам Бердяев осмыслил себя скорее, как западного человека, но не европейца.

В целом можно отметить, что помимо априорных географических пространств, Николай Бердяев выделяет еще и внутренние публичные пространства: Запад, Восток, Россия и Азия. Эти пространства являются своеобразными пустотами, которые экспонируют человека и вполне способны создавать социум. Пространства эти, в полной мере, являются сформулированными, сконструированными, а не априорными. Таким образом, по Бердяеву, появляются западные люди на Востоке, например, в России, и азиатские люди на западе.

Отдельный интерес представляет «пространство свободы» в работах Бердяева. Пространство свободы и рассуждение над этой проблемой не просто является важным элементом философии Николая Бердяева, оно занимает центральную роль в его философии и проходит красной линией через все его труды. Свобода по Бердяеву имеет границы, однако границы не очевидные на первый взгляд. Именно разговор о «границах свободы», по Бердяеву, и является разговором о самой свободе. Кроме того, пространство свободы функционально благодаря творческому акту. По этой причине логичнее воспринимать этот философский концепт Бердяева в пространственных категориях.

«Пространство свободы», как и географическое пространство является априорным пространством. Разница заключается в том, что географическое пространство – это априори для человеческого общества, а пространство свободы – это априори даже для Бога. «В свободе скрыта тайна мира. Бог захотел свободы, и отсюда произошла трагедия мира. Свобода в начале и свобода в конце. В сущности, я всю жизнь пишу философию свободы, стараясь ее усовершенствовать и дополнить. У меня есть

основное убеждение, что Бог присутствует лишь в свободе и действует лишь через свободу» [3]. Пространство свободы практически безгранично, по Бердяеву. Безграничность этого пространства выражается в том, сколько всего в эту «пустоту» помещает философ. Бердяев пишет, что его мысль и вся его философия «рождены» в свободе, и даже Бог ей подчинен.

Свобода как публичное пространство – это пустота, из которой рождается философия и мысль, пустота, из которой рождается личность и общество. Однако, свобода, хоть и дана человеку богом, а, значит, является априорным пространством, все равно нуждается в «активации». Именно ограниченность создает возможность для творчества. Границы пространства преобразуют силу в творческий акт, творческий акт, в свою очередь, является действием и ведет к развитию вперед. Именно развитие вперед для Бердяева является высшим благом. Бердяев наделяет пространство Запада взглядом, направленным вперед. Себя он тоже причисляет к людям, смотрящим вперед [2].

Концепция времени в творчестве Бердяева также несет в себе уникальные черты. Для Бердяева время – это не просто объект изучения, а глубинная проблема, которая пронизывает его мысли и переживания, становясь основным вопросом философии, особенно в рамках экзистенциализма. Он считает, что осмысление времени приобретает подлинный смысл лишь в контексте его связи с вечностью и исследует это понятие, придерживаясь субъективистского подхода.

Он выделял два основных аспекта времени: механическое и духовное. Механическое, линейное время, измеряемое часами и календарями, рассматривается Бердяевым как ограничение свободы. В этом понимании время становится врагом, сжимающим человеческую активность и творчество. В противопоставление механическому времени, метафизическое или духовное время является тем временем, в котором разворачивается жизнь души. Это время, в котором происходит взаимодействие между человеком и Богом, время внутреннего опыта и трансцендентного. Бердяев подчеркивал, что именно в духовном времени человек обретает свою сущность и может преодолеть ограничения механического времени [11].

По мнению Бердяева, время не следует рассматривать как координату или формат реальности, а как результат объективации внешней реальности самим человеком. Временной поток создаётся не физическим миром, а «трансцендирующим субъектом». Важным воздействием на его взгляды оказались идеи А. Бергсона и М. Хайдеггера, которые рассматривают время как способ взаимодействия человека с самим собой и с окружающей действительностью. Кроме того, концепция Н.А. Бердяева включает и понятие творчества, которое тесно переплетается с идеей творческого преодоления вре-

менной обусловленности существования.

Для характеристики подхода к времени Н. Бердяева используется темпоральная триада: время «космическое», время «историческое», время «экзистенциальное». Время рассматривается им в культурологическом ключе, как символ конечности существования, порождающий желание найти способы преодоления бренности бытия. Время противопоставляется вечности как вневременному совершению. Здесь возникает понятие «испорченного» времени, так автор называет время, потерявшее свою цельность.

В работе «Смысл истории» появляется еще один тип времени: «небесное», или «ноуменальное» время вселенского развития, лишенное деления на прошлое, настоящее и будущее: «целостная жизнь, которая совмещает прошлое, настоящее и будущее в едином целостном всеединстве, поэтому действительность, отошедшая в прошлое, не есть умершая историческая действительность; не менее реальна она, чем та, которая свершается в данное мгновение или та, которая будет свершаться в будущем. Каждый может быть приобщен к истории постольку, поскольку он существует в этой зоне мировой действительности. Христианское учение открывает эту вечность» [3, С. 115].

Если время космическое является равномерным и измеримым метрически, то историческое время, хоть и включается в структуру космического, обладает векторной характеристикой, направлено в будущее. Оно раздроблено на прошлое, настоящее и будущее, разбито на множество моментов, которые образуют не вечностный, а временный план существования бытия, исторический. Экзистенциальное время, рассматриваемое им в субъективно-антропологическом ключе, невозможно измерить метрически, оно связано с чувственным миром человека длительностью его переживаний.

В своем труде «Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения» Николай Бердяев анализирует время, обозначая его как «болезнь к смерти». Осознание мимолетности всех событий создает у человека эту «болезненную» передачу времени. Страх перед смертью и законами существующей действительности исследуется им в рамках его персоналистского подхода, где время вступает в связь с понятием объективации, что делает человека зависимым от власти времени [11]. Темпоральная триада Бердяева основывается на его концепции трех реальностей: природы, истории и внутреннего мира личности. Каждая из этих реальностей имеет свое важное значение для человека, и он связан со всеми ими.

Одним из ключевых моментов в философии Бердяева является идея единства пространства и времени. Он утверждает, что, несмотря на различия в их природе, пространство и время не могут существовать изолированно друг от друга. Они взаимодополняют друг друга, образуя контекст, в котором разворачивается человеческая жизнь. Таким образом, человек может не просто существовать, а создавать свою собственную реальность.

Подводя итог можно отметить, что концепты «пространство» и «время» в философии Н. Бердяева являются не просто абстрактными категориями, а важными философскими инструментами для понимания человеческой свободы и духовной деятельности. Пространство и время в его концепции – неотъемлемые аспекты человеческой экзистенции, которые взаимно влияют друг на друга, создавая уникальную картину человеческой жизни, наполненной свободой и творчеством. Географическое или историческое пространство страны влияет на народ и детерминирует его поведение. Пространство свободы конструирует индивида в результате чего человек может приблизиться к богу и избежать греха.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергсон А. Творческая эволюция. М., 1998. – 185 с.
2. Бердяев Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Париж, 1969. – 268 с.
3. Бердяев Н.А. Я и мир объектов // Философия свободного духа. М., 1994. – 191 с.
4. Бердяев Н.А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. М: 1918. – 240 с.
5. Гайденок П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М., 2006. – 464 с.
6. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1999. – 192 с.
7. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 1. (Феноменология внутреннего сознания времени). М. 1994. - 162 с.
8. Ерыгин А.Н. Историческое осмысление «Востока» и «Запада» в догматической, критической и символической парадигмах // Новое прошлое. 2018 (1). – С. 236-241.
9. История философии: Запад-Россия-Восток. М., 1999. – 448 с.
10. Королев М.А. Введение в идейную историю русской эмиграции (1917-1991). Калининград, 2024. – 416 с.
11. Малова О.В. Проблема времени в русской философии первой половины XX в. // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4 (28). – С. 57-63.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»